

Иногда он тоже думал: что же он сделал не так? Почему ему приходится нести на себе это бремя злодейства? В первые дни после травмы он чувствовал, что сходит с ума, как героиня романа, хватаясь за Цинь Цана, за Се Бо, за Вэнь Юаньхана, за всех, кого мог ухватить, повторяя:

— Я не толкал его... Я просто хотел предупредить... чтобы он не прикасался к наркотиков... это он толкнул меня... Я просто хотел схватиться за поручень... но случайно схватил его руку...

Но позже он понял, что человек уже мёртв... и эти так называемые истины... ничего не изменят...

Многим людям не важно, что на самом деле произошло, им важен только итог.

Смерть Вэнь Цзыи превратилась в проклятие, которое постоянно мучило его. Вся его ненависть и обида оставались внутри, словно он глотал кровь, стиснув зубы.

Вэнь Цзыцянь протянул руку, чтобы стереть слёзы с лица сестры, и тихо произнёс:

— Цзысюань... прошлое осталось в прошлом... не обязательно всё объяснять до мелочей... Если ты веришь мне, то не будешь сомневаться... Если не веришь, то сколько бы я ни говорил, для тебя это будет лишь оправданием. То, что мы дошли до этого, — это то, чего я не хотел и не желал. Многое уже нельзя вернуть назад.

— Ты пришла ко мне, значит, в душе ты всё ещё считаешь меня братом. Для меня ты — самая важная сестра, и это никогда не изменится. Но я ничего не должен твоей матери. Передай мои слова тётке Пань: я не в долгу перед семьёй Пань, наоборот, это они должны мне. Посмотри на меня сейчас... Я ещё не потребовал с неё долг, а она снова и снова пытается меня унижить...

Вэнь Цзысюань тогда была ещё маленькой, она не понимала, что такое правда. Слова отца и матери звучали совершенно по-разному. Она только знала, что её мать могла выйти из себя, бить и ругать её. Каждый день она думала, как бы убежать из этого угнетающего дома, избавиться от ежедневных истерик Пань Цинь:

— Вэнь Цзыцянь убил твоего брата, он не умрёт своей смертью! Он убийца, и за убийство нужно платить. Пока он не умрёт, я не смогу успокоиться.

Она стала объектом для срыва Пань Цинь. Однажды, когда у матери случился депрессивный приступ, та била её и рыдала:

— Почему умер мой сын... кто угодно мог умереть... почему именно мой сын...

В тот момент она почувствовала, что и она сама — одна из тех, кто «мог умереть».

В юности она росла в крайне угнетающей обстановке. После долгих лет упрёков Пань Цинь она начала испытывать обиду и на старшего брата.

Зачем дедушка привёл тебя домой... зачем ты пришёл... если бы ты остался снаружи... если бы ты никогда не возвращался, как было бы хорошо...

Но судьба — это то, что никто не может предсказать или изменить.

Вэнь Цзыцянь, видя, что она побледнела, понимал, что ей тяжело, но некоторые вещи нужно было прояснить. Его противостояние с Пань Цинь только начиналось, и Цзысюань не могла

избежать этой неловкой ситуации.

— Цзысюань, ты должна понять, я не буду терпеть вечно. Если будет следующий раз, семья Пань убирается из корпорации «Вэнь».

Он увидел, как она прикусила нижнюю губу, и смягчил тон:

— Но... запомни... как бы ни было, ты — моя самая близкая сестра, и это никогда не изменится. В будущем, если с тобой что-то случится, я всегда буду твоей опорой, понимаешь?

Вэнь Цзысюань, переполненная эмоциями, ответила:

— Я понимаю... Брат, дай мне время, я поговорю с мамой. Мы всё же семья, и я не хочу, чтобы вы оба причиняли друг другу боль.

Вэнь Цзыцянь похлопал её по руке:

— Если она не будет меня провоцировать, я не стану ей мешать.

У Вэнь Цзыцяня всё ещё была небольшая температура, эмоции переполняли его, и сейчас, когда он успокоился, его охватила сильная усталость.

Вэнь Цзысюань, видя, что он выглядит измождённым, встала:

— Брат, отдохни, я пойду.

Вэнь Цзыцянь кивнул и закрыл глаза.

Вэнь Цзысюань вышла за дверь, тихо прикрыла её и, подняв голову, увидела Цинь Цана, стоящего у стены со скрещёнными руками. Она не знала, сколько он уже там стоит.

— Цинь...

Она встретилась с ним взглядом, и его острый, как лезвие, взгляд словно резанул её по сердцу.

— Цинь... моя мама...

Она хотела объяснить, что её мать до сих пор не может оправиться от потери сына.

Но Цинь Цан явно не хотел слушать никаких объяснений. Он смотрел на неё сверху вниз с редкой серьёзностью и холодом в глазах:

— Скажи своим держаться подальше от Цзыцяня. Если будет следующий раз, я не стану церемониться.

Вэнь Цзысюань посмотрела на него с мольбой:

— Может, ради меня...

Цинь Цан холодно покачал головой:

— Ни для кого не сделаю исключения! Кто посмеет причинить вред Цзыцяню, того я не пощажу.

С этими словами он вошёл в комнату и закрыл дверь.

Вэнь Цзысюань почувствовала леденящий холод. Она оказалась между двух стен и не знала, кому можно пожаловаться. Её мать, находясь в безумии, била и ругала её. Отец не оставил ей ни доли акций. Её брат и мать стояли по разные стороны баррикад, и даже Цинь Цан использовал её как объект для срыва.

У неё тоже были обиды и несправедливости, но кому было дело до её чувств?

Цзи Ханьчжи никогда не испытывал недостатка в людях вокруг. Ни один мужчина или женщина не могли удержать его интерес дольше полугода.

Те, кто был слишком покорен, быстро наскучивали ему. Те, кто не знал своего места, раздражали его за месяц, и он вымещал своё недовольство, избивая их.

Он был как холодная змея, высматривающая добычу.

Он взглянул на сидящую напротив Вэнь Цзысюань и вдруг вспомнил другого молодого господина из семьи Вэнь.

Да, Вэнь Цзыцянь, кажется, был исключением.

За столом он сидел, развалившись, играл на телефоне, листая Weibo и WeChat, словно все вокруг были воздухом. Но в голове он думал о том, как бы зажать в ладони надменное лицо Вэнь Цзыцяня и заставить его покориться. Внезапно в его голове промелькнуло воспоминание о прекрасном теле юного Вэнь Цзыцяня. Если бы не Цинь Цан, он бы уже тогда его получил.

Пань Цинь и госпожа Цзи, сидя рядом, тихо перешёптывались, время от времени улыбаясь своим детям.

Пань Фан и Цзи Жун тоже оживлённо беседовали.

Вэнь Цзысюань не могла расслышать всего, но уловила ключевые слова: «хорошо подходят», «красавец и красавица». Даже самый невнимательный человек понял бы, о чём идёт речь.

Вэнь Цзысюань не могла есть, сжимая палочки так, что они вот-вот сломаются. Унижение, гнев и неловкость заставляли её хотеть опрокинуть стол. Но у неё не было такого характера, и она могла только сидеть, опустив голову, пока другие обсуждали её.

«В каком веке мы живём, чтобы кто-то решал за меня, с кем мне быть?» — думала она.

На обратном пути Вэнь Цзысюань, откинувшись на сиденье, холодно сказала:

— Я не выйду замуж за Цзи Ханьчжи. Кто хочет, пусть выходит.

Пань Цинь, сидя рядом, посмотрела на её безжизненное лицо и фыркнула:

— Хм, ещё неизвестно, захочет ли он тебя. С твоим нынешним положением мы и так лезем вверх.

Пань Фан, управляя машиной, ворчал:

— Вэнь Юаньхан, этот негодяй, разве Цзысюань не из семьи Вэнь? Какой же он бессердечный.

Пань Цинь скрипнула зубами:

— Я каждый день ухаживаю за ним, а он обещал, что не обделит Цзысюань. И что теперь? Относится к нашей семье как к нищим? Не хватает его домов и денег?

Вэнь Цзысюань нахмурилась:

— Наследство отца немалое...

— Заткнись, ты ничего не понимаешь! Сколько бы денег ни было, они не сравнятся с акциями корпорации «Вэнь»!

Пань Фан продолжал:

— Брат, нам нужно срочно вывести активы. Вэнь Цзыцянь держит акции деда и Вэнь Юаньхана, вместе это больше половины. Плюс шестнадцать процентов у Вэнь Юаньсина. Им больше не нужна наша семья. Вэнь Цзыцянь, этот ублюдок, тоже не промах. Смотри, он лежит в больнице, но всё равно не успокаивается.

За месяц, что Вэнь Цзыцянь провёл в больнице, он дистанционно управлял компанией, сменив двух руководителей отделов, оба были людьми Пань Фана. Он хотел дать понять Пань Цинь, что это только начало, и она должна заплатить за то, что причинила ему боль.

Теперь, когда Вэнь Юаньхан ушёл, им больше не нужно было притворяться и играть свои роли. Рано или поздно они сорвут маски.

<http://bllate.org/book/16224/1457514>